

Секция «24.8 Политико-психологические особенности политических процессов в современной России и в мире»

Эхо Беслана: восприятие трагических событий разными поколениями россиян (на материалах эмпирического исследования)

Научный руководитель – Смутькина Наталья Валентиновна

Чернопятова Софья Александровна

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет политологии, Кафедра социологии и психологии политики, Москва, Россия

E-mail: sofya.chernopyatova@yandex.ru

Представления о прошлом, равно как и образы конкретной эпохи, формируются в массовом сознании под влиянием ярких, эмоционально окрашенных эпизодов. Под последним можно понимать те события прошлого, которые вызвали у населения сильный эмоциональный отклик – в крайней степени позитивный, либо же, наоборот – негативный.

Иными словами, образы прошлого условно можно разделить на две категории: на триумфы (эпизоды, которые вызвали и продолжают вызывать гордость за свою страну) и травмы. В свою очередь, одним из наиболее трагических событий, по мнению россиян, является захват заложников в школе №1 г. Беслана. На момент представления данного текста, с момента этого теракта прошло более 20 лет. Согласно теориям авторитетных исследователей [1], в области проблематики травм – это примерно тот срок, когда представления о событии должны трансформироваться, либо же, вовсе исчезнуть из памяти. Объясняется этот феномен просто: происходит смена поколений и образ формируется не за счет опыта очевидцев, а на основании представлений их условных «потомков».

При этом, воспоминания о захвате театрального центра на Дубровке в 2002 году, молодое поколение действительно вспоминают реже, нежели их предшественники (более того, в сознании возрастной группы от 18 до 35 лет «Норд-Ост» в скором времени может смениться воспоминаниями о теракте в «Крокусе»). Возникает вопрос: почему же бесланская трагедия продолжает оставаться одной из наиболее упоминаемых в ответах респондентов и, соответственно – одной из самых травматичных для них? В этом и предстояло разобраться, проанализировав результаты эмпирического исследования.

По сути своей, Беслан является тем, что П. Штомпка в своих исследованиях называл культурной травмой – неким событием, ломающим всякие представления о жизни, основанной на привычных морально-ценностных ориентирах [4]. Самый смертоносный теракт в истории России, где большинство жертв – дети, иначе назвать сложно. Следовательно, можно утверждать, что события, происходившие в 2004 году, стали настолько шокирующими для россиян, что травма закрепилась на глубинных, неосознаваемых уровнях сознания. Это привело к тому, что память о этих событиях передалась уже следующему поколению наших граждан. Данный тезис, в свою очередь, можно подтвердить, опираясь на работы других авторов, исследовавших данную проблематику.

Так, П. Нора утверждает, что носителями воспоминаний о прошлом являются непосредственные свидетели и их потомки [3]. В свою очередь А. Ассман выделяет четыре вида коллективной памяти: индивидуальную (с травмами), поколенческую, политическую (мифы о прошлом, конструируемые властью) и культурную (от научного анализа до маргинальных теорий) [2]. Таким образом, опираясь на теоретический базис, можно сделать вывод о том, что значимую роль в формировании образов прошлого, играет передача травмирующих воспоминаний от одного поколения к другому.

Это также подтверждают результаты эмпирического исследования. Оно было проведено в формате глубинных интервью, были опрошены 40 респондентов разных поколений. У большинства участников в возрасте 18-35 лет, знания опосредованные – они формировались из рассказов и официальных мероприятий. Как отметила одна из участниц опроса: *«Мне было 3 года, но я знаю, что тогда был теракт в Беслане в школе. террористы захватили школу и требовали прекращения войны в Чечне»* (жен, 23 года)

Если же говорить об условных «очевидцах», о более старших возрастных группах, то восприятие травмирующего эпизода оказалось «неравномерным»: с одной стороны, были ответы, представляющие собой одну словесную конструкцию *«дети пошли на линейку, и террористы захватили школу»* (жен, 38 лет), что может в целом свидетельствовать о скудности сложившегося образа. С другой – данный вывод весьма поспешен, поскольку другая, и достаточно большая часть респондентов, могли вспомнить четкую последовательность событий, а также личные переживания, связанные с Бесланом. Например, опрошенные могли вспомнить, что делали в тот момент, когда услышали о захвате заложников. Это свидетельствует о высокой эмоциональной вовлеченности и, как следствие, о формировании травмы на основании этих событий.

Стоит отметить, что ответы респондентов различались в зависимости от их половой принадлежности: женщины чаще акцентировали внимание на том, что жертвами стали дети, мужчины – на месте, где держали заложников (спортзал) и факте употребления собственных продуктов жизнедеятельности – это ещё одна из причин, по которым данную трагедию можно соотносить с культурными травмами, затрагивающими морально-ценностные ориентиры.

При этом, несмотря на детализацию воспоминаний, опрошенные иногда путались в фактах (например, упоминали, что на переговоры с террористами приехал И. Кобзон – это неверно, это событие связано с театральным центром на Дубровке). Это может свидетельствовать о «слиянии» террористических эпизодов 2000-х гг. в массовом сознании, что указывает на следующее: отдельные эпизоды тех событий сильнее закрепились в памяти россиян. Но Беслан, в целом был настолько экстраординарной трагедией, что другие эмоционально яркие эпизоды, связанные с иными, безусловно, страшными терактами, невольно стали ассоциироваться с захватом школы №1.

В заключение стоит отметить следующее: события в Беслане 2004 года закрепились в сознании россиян всех возрастов: шок от потери безопасности, от мысли, что «с моими детьми может произойти то же самое», передался от очевидцев молодому поколению. Именно поэтому, более 20 лет спустя, память об этих событиях продолжает жить. И, скорее всего, останется в массовом сознании ещё на годы вперед.

Источники и литература

- 1) Айерман Р.// Культурная травма и коллективная память (пер. с англ. Николая Поселягина) URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2016/5/kulturnaya-travma-i-kollektivnaya-pamyat.html> (дата обращения: 03.02.2026).
- 2) Давыдов И.П. Архетип коллективной памяти (Рецензия на книгу: Ассман Алейда. 4. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. М.: Н.Л.О., 2014. 328 с.) // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2015. №2.
- 3) Сабанчеев Р.Ю. Концепция "мест памяти" Пьера Нора как способ исторической реконструкции // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. №1 (43).

- 4) Штомпка П. Социальное изменение как травма (статья первая) // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6-16.